

Рассуждение В. К. Кюхельбекера об исторических драмах Шекспира

Международные связи русской литературы. Сборник статей под редакцией академика М. П. Алексеева.

М.-Л., Издательство Академии наук, 1963

[OCR Бычков М. Н.](#)

Первоначальное знакомство В. К. Кюхельбекера с творчеством Шекспира: относится, по-видимому, ко времени пребывания его в Грузии (1821-1822 гг.), где он встретился с А. С. Грибоедовым (они знали друг друга по Петербургу). По утверждению Ю. Н. Тынянова, "Грибоедову принадлежит высокая оценка Шекспира (главным образом его исторических хроник), легшая в основу теоретических взглядов Кюхельбекера на драму..."¹ С этого времени: английский драматург входит в литературный обиход и эстетические воззрения Кюхельбекера.

В своей программной статье "О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие" он, борясь против элегического направления в русской поэзии, возмущался теми, кто "ставят на одну доску" "огромного Шекспира и - однообразного Байрона".² Это противопоставление получило дальнейшее развитие в следующей статье Кюхельбекера: "Разговор с Ф. В. Булгариным": "Не смею уравнять его (Байрона, - Ю. Л.) Шекспиру, знавшему все: и ад, и рай, и небо, и землю, - Шекспиру, который : один во всех веках и народах воздвигся *равный* Гомеру, который подобно Гомеру есть вселенная картин, чувств, мыслей и знаний, неисчерпаемо глубок и до бесконечности разнообразен, мощен и нежен, силен и сладостен, грозен и пленителен!"³

Однако в это время Кюхельбекер знает Шекспира еще недостаточно, преимущественно по немецким переводам (английским языком он владел тогда слабо), и английский драматург представлялся ему, согласно немецкой романтической интерпретации, воплощением "истинной романтики".⁴ Такое представление воплотилось в его драматической шутке "Шекспировы духи", написанной также в 1824 г. (издана в 1825 г.).

В 1825 г. Кюхельбекер предлагал В. А. Жуковскому совместно перевести "Макбета", на что Жуковский ответил отказом.⁵ Можно полагать, что поэт-декабрист намеревался переводить тогда не подлинную трагедию Шекспира, но шиллеровскую ее переделку.

Подлинное изучение Шекспира относится к годам тюремного заключения Кюхельбекера. Ради Шекспира он в первый же год заточения занялся английским языком.⁶ Шекспир, доступный отныне Кюхельбекеру в подлиннике, становится для него наряду с Гомером "вечным спутником". Гомер и Шекспир "sont mon pain quotidien" (хлеб мой насущный), - отмечает он в дневнике 24 июля 1832 г.⁷ "Друг мой Шекспир...ведь он всегда со мною" - записывает он 5 февраля 1833 г.⁸ Кюхельбекер принимается за осуществление широкого плана переводов пьес великого английского драматурга. Переводческой работы таких масштабов по отношению к Шекспиру не предпринимал до Кюхельбекера ни один русский литератор.

На основании анализа сохранившихся рукописей, дневников и переписки поэта хронология его шекспировских переводов восстанавливается в следующем виде.⁹ В сентябре-октябре 1828 г. была переведена вчерне историческая хроника "Ричард II". В ноябре-декабре того же года Кюхельбекер перевел "Макбета". Впоследствии в ссылке поэт коренным образом переработал перевод первых трех актов. С осени 1829 г. до января 1830 г. переводилась первая часть "Генриха IV". Перевод второй части был начат, но неизвестно, была ли она переведена полностью. В мае-сентябре 1832 г. Кюхельбекер перевел трагедию "Ричард III"; перевод заново редактировался в 1835-1836 гг. Наконец, в августе-сентябре 1834 г. поэт начал переводить "Венецианского купца", но оставил перевод, дойдя до середины второго акта. Переводы "Короля Лира" и "Двух веронцев", о которых он раздумывал в 1832-1833 гг., также остались неосуществленными.

Не все свои переводы из Шекспира Кюхельбекер считал достойными опубликования. В своем литературном завещании, продиктованном И. И. Пущину 3 марта 1846 г., незадолго до смерти он выразил желание, чтобы были напечатаны лишь первые три акта "Макбета" (т. е. вторая редакция) и "Ричард III", а относительно "Генриха IV" указал: "Истребить, если не успею переправить".¹⁰ Однако ни один из переводов Кюхельбекера не был издан, и его огромный самоотверженный труд как переводчика и пропагандиста Шекспира погиб для русской культуры, потому что, хотя рукописи этих переводов и